

Исследования в области лексики (в особенности масштабные типологические проекты) в современном лингвистическом мире, к сожалению, по-прежнему довольно редки. Книга под редакцией Мартина Хаспельмата и Ури Тадмора «Loanwords in the world's languages: A comparative handbook» составляет приятное и весомое исключение из этого правила: в ней 1 081 страница, и она обобщает результаты крупного международного проекта, посвященного изучению пластов заимствованной лексики в языках мира¹. Другим «материальным» результатом того же проекта стал доступный любому желающему сайт в интернете (<http://wold.livingsources.org>), на котором размещена электронная база данных по материалам всех вошедших в проект языков.

По-видимому, таким парным результатам – монография и общедоступная база данных – в области лингвистической типологии предстоит большое будущее: никакой объем, пусть даже и многотомной монографии, не вместит той информации, которую можно включить в базу данных. Если этот ресурс общедоступен, читатель легко проверит результаты, изложенные в книге, сам ответит на возникающие вопросы и сам подберет иллюстрации к экономно изложенным фактам. На типологических конференциях сейчас принято готовить не только презентацию доклада в виде слайдов, но и обширный (часто страниц на 20–30) хэндаут, в котором подробно проиллюстрирована «материальная часть» представляемого доклада. Это удобно и уже вошло в практику: вполне естественно, что такая практика распространяется не только на краткие сообщения, но и на крупные международные проекты.

Итак, целью проекта является изучение типологии заимствований. А что такое заимствования и почему они появляются в языках? Этот вопрос подробно рассматривается во вступительной статье М. Хаспельмата «Заимствования: общие представления и языковые реалии», где заимствование определяется как лексическая единица, которая в некоторый момент истории языка вошла в него в результате своего рода копирования из другого языка.

¹ Среди работ, посвященных типологическому изучению именно заимствованной лексики, мы можем упомянуть недавно опубликованную книгу Я. Вольгемута [Wohlgemuth 2009], охватывающую, однако, существенно более узкую область лексики.

Главная причина появления заимствований заключается в том, что языки контактируют друг с другом, и чем теснее они контактируют, тем больше у каждого из них возможностей использовать не только собственную лексику, но и лексику соседа. Однако обычно из двух языков один (в культурном или другом отношении доминирующий) оказывается лексическим донором, так что «равноценного обмена» никогда не происходит. Есть так называемое «материальное» («material») заимствование и есть заимствование языковой модели (последовательный перевод с соблюдением структуры исходного слова или фраземы средствами языка-реципиента), оно же калькирование. Авторам интересует только первый вариант.

Самый простой случай материального заимствования – это заимствование названия отсутствующего в данной культуре объекта – инструмента, растения или животного, блюда, одежды и т.п., ср. русск.: *ксерокс, кенгуру, лобби, пончо*. Сложнее причины, по которым в язык попадает «чужое» слово для уже существующего в культуре этого народа объекта. Это может произойти при очень тесном контакте языков, когда употребление в данном контексте «чужого» слова используется для того, чтобы получить суженное или расширенное значение параллельно существующей «родной» лексеме – с другой внешней оболочкой. Отдельного разговора заслуживает заимствование служебных слов – союзов, предлогов и в особенности дискурсивных показателей. Оно свойственно ситуации двуязычия и обычно свидетельствует о существенном влиянии доминирующего языка.

Ясно, что в ситуации двуязычия говорить о заимствовании непросто: очень часто происходит не импорт слова – по культурным или лингвистическим причинам – а просто локальное «переключение» говорящего на другой язык и обратно («code switching»), которое даже он сам может не замечать ввиду равного владения обоими. Очевидно, что строгой границы между заимствованием и таким переключением провести нельзя, однако помогает исследование частотности употребления соответствующего слова или степень его фонетической адаптированности к языку-реципиенту (с. 41).

Еще одна очевидная трудность, которую хорошо осознают авторы проекта, состоит в том, что история разных языков и культур в разной степени документирована и исследована. Как мы знаем, русский, например, в этом отношении, к сожалению, далек от английского или, скажем, греческого – что уж говорить о

положении арчинского и кетского. Между тем идея состоит в том, чтобы по возможности для каждого языка учесть (в том числе и при статистической обработке) заимствования всех доступных наблюдению периодов его развития (но какое бы то ни было равенство здесь абсолютно недостижимо).

В принципе, любой сколько-нибудь масштабный лингвистический проект сталкивается с трудностями определения объекта исследования, проведения границ между релевантными и нерелевантными данными, заведомой погрешностью в ожидаемых результатах и т.п. Естественные языки – живые и саморазвивающиеся системы, и никуда от этого не деться. Приходится принимать волевые решения, только они и приводят к успеху, а книга Хаспельмата и Тадмора – беспорный успех.

Организация книги очень продумана. Небольшая вводная теоретическая часть («Общие главы») содержит три раздела. Первый (написанный обоими редакторами) посвящен описанию проекта в целом и структуре базы данных, второй, сугубо теоретический, был рассмотрен выше, а третий (написанный Ури Тадмором) представляет полученные результаты и обобщения, сделанные на основе статистических исследований каждого из языков. Вторая часть книги называется «Языки» и состоит из 41 главы – именно столько языков внесено в базу данных и описано в книге в рамках проекта. Язык принимался к рассмотрению только в том случае, если находился эксперт по нему, который вызывался участвовать в проекте, – он и становился автором соответствующей статьи.

Задача руководителей проекта состояла в том, чтобы систематизировать полученный материал и провести сравнение данных выбранных языков. Базой для сравнения является составленный в лейпцигском Институте им. Макса Планка (где этот проект выполнялся) список лексических значений объемом 1 460 единиц. В его основу положен известный словарь-тезаурус на 1 200 единиц Карла Дарлинга Бака [Buck 1949], представляющий основные синонимы в индоевропейских языках. В рамках проекта Мери Ричи Кей и Бернарда Комри «*Intercontinental dictionary series*»² он был переработан для серии «межконтинентальных словарей» и расширен до 1 310 единиц, а теперь для проекта изучения заимствований пополнен еще на 150 слов.

Для каждого значения из этого списка экспертам нужно было проверить, является ли в их языке слово, выражающее данный смысл, заимствованным. В результате проект должен

показать, какие значения оказываются более склонными к выражению с помощью заимствованных средств, а какие менее; иными словами, какова вероятность того, что некоторое значение будет выражаться в некотором случайно взятом языке заимствованной единицей. Языки отбирались таким образом, чтобы выборка оказалась максимально разнообразной и представительной с лингвистической и социолингвистической точек зрения. В нее вошли языки из двадцати двух семей: нигер-конго (суахили), афразийской (иракв, гаввада, хауса, тамазихт), нило-сахарской (канури), индоевропейской (румынский, британский английский, древневерхненемецкий, нидерландский, цыганский Словакии, нижнелужицкий), уральской (кильдинский саамский), нахско-дагестанской (бежтинский, арчинский), енисейской (кетский), тюркской (якутский), тунгусо-маньчжурской (орочский Северного Китая), сино-тибетской (мананг, китайский), таи-кадайской (тайский), австроазиатской (вьетнамский, че-венг), мяо-яо (хмонг), австронезийской (индонезийский, малагасийский, таика, гавайский), пама-ньонга (гуринди), юто-ацтекской (яки), майя (цоциль, кекчи), отомангской (отоми), кечуанской (имбабурский кечуа), карибской (карибский), надахупской (хуп), матакской (уичи), арауканской (мапудунгу), а также японский и два креольских языка (сейшельский и сарамакский). Помимо типологического разнообразия, языки в выборке очень разнятся по многим другим параметрам: количеству носителей, языковой политике, социолингвистической ситуации в целом.

Как видно из приведенного списка, русско-го языка в выборке нет, и в целом славянская группа языков представлена очень неожиданно – нижнелужицким. Наиболее доступная с исследовательской точки зрения индоевропейская семья представлена не намного шире, чем другие, и совершенно нестандартно: в частности, представителем романской группы избран румынский, а не французский, итальянский или испанский. В проект вошли как языки очень большие, с огромным количеством носителей (литературный китайский, британский английский, суахили, японский), так и «едва живые», как, например, кетский, и даже мертвый древневерхненемецкий.

Особое внимание привлекают два креольских языка, сам способ образования которых является результатом интенсивных контактов двух различных по своим типологическим (и не только) характеристикам языков. Исконной для таких языков считается лексика языка-лексификатора, а заимствованной – вся остальная, в том числе и лексика второго языка, участвующего в создании креольского. Так,

² См. <http://lingweb.eva.mpg.de/ids/>

например, для сейшельского языка исконными признаются слова, пришедшие в него из разговорного французского XVIII в., а слова из языков колонизированных бантуязычных племен – заимствованными. Важно, что заимствованными считаются и те французские слова, которые пришли в язык позже, в XIX и XX веках – уже в результате новых контактов жителей Сейшельских островов с французами.

Безусловно, чем более разнообразна выборка, тем надежнее результаты и тем больше вес типологического исследования и построенной на его базе статистики. Но для статистики 41 язык – это не так много (хотя для исследовательской лингвистической работы это огромный объем и несколько лет неустанного труда: проект стартовал в 2003 году!). В связи с этим предложенный список языков, конечно, немного обескураживает: эти языки отличаются слишком разными письменными традициями, слишком разной степенью изученности и слишком разным количеством доступного материала. Другое дело, что проект может продолжаться, опираясь на разработанные в нем методики. Его руководители приглашают экспертов по неучтенным языкам принять участие в пополнении составленной общедоступной базы данных.

База данных имеет довольно сложную организацию и состоит из нескольких связанных между собой таблиц, основных и дополнительных. Основных таблиц три: таблица значений, таблица слов и таблица отсутствующих слов. Рассмотрим последовательно каждую из них.

Таблица значений едина для всей базы в целом, она была заполнена организаторами проекта и далее использовалась уже в готовом виде всеми экспертами по языкам. В ней отражен упоминавшийся выше перечень лексических значений (1 460 единиц). Для каждого значения в базе указывалась следующая информация: его «код» (нечто вроде порядкового номера), принадлежность к одному из двадцати четырех семантических полей (физический мир, термины родства, животные, тело человека, еда и питье, одежда и уход за телом, дом, сельское хозяйство, основные действия и технологии, движение, обладание, пространственные отношения, количество, время, чувственное восприятие, эмоции и оценки, познание, речь и язык, социально-политические отношения, военное дело и охота, право, религия и верования, современный мир, другое), принадлежность к одному из «семантических классов» (классу предметных, глагольных, признаковых или наречных слов, а также служебных или

знаменательных³) и английский эквивалент. Английский эквивалент – это слово, маркирующее данное значение и являющееся его «именем» в базе данных. Разумеется, из этого не следует, что база в целом становится антропоцентричной: английский используется лишь как метаязык, и данный эквивалент вовсе не предполагает, что представляемая им семантическая сущность должна полностью совпадать по объему со значением соответствующего английского слова. Во избежание путаницы и недоразумений значения помимо английского эквивалента снабжаются толкованием и прототипическим контекстом, призванным снять многозначность английского слова. Такая система кажется нам в целом хорошо продуманной и очень удачной, – правда, пока не для всех значений в базе приведены и толкование, и прототипический контекст. Видимо, в простых и понятных случаях эта процедура может для экономии усилий редуцироваться. Так, например, для смысла, обозначенного словом *the world*, приведен только прототипический контекст (*The Amazon is the longest river in the world*), а для значения *the shore* – только толкование ('the land along the edge of a large body of water, such as an ocean or a lake'). Ср. также неоднозначный эквивалент *the river or stream*, для которого пока в базе нет информации ни о контексте, ни о толковании.

Следующая таблица, таблица слов, заполняется экспертами. В ней есть поля, обязательные для заполнения, и поля факультативные. Таблица слов заполняется на основе таблицы значений: в нее включаются слова, выражающие соответствующие значения в данном языке. Каждое слово записывается в стандартном транслитерационном виде (может быть дана и запись слова в традиционной для языка графике, для этого предназначена особая графа таблицы). Отдельно эксплицируется отношение между значением из общего списка и значением каждого конкретного слова: конкретное языковое значение может быть точным эквивалентом значения из общего списка, может выражать более узкое или, наоборот, более широкое понятие, а может быть «параэквивалентом», т.е. выражать значение, частично пересекающееся со значением из списка. Далее для каждого слова указываются сведения о его членности и приводится глоссирование в случае, если слово членимо. Также для

³ Обратим внимание, что в рамках подхода Хаспельмата и Тадмора частеречная принадлежность слова считается семантической, а не грамматической характеристикой, т.е. характеристикой самого значения, а не грамматическим свойством выражающей его лексемы.

каждого слова определяется (разумеется, по возможности) его возраст: примерный период времени, когда оно впервые было засвидетельствовано в языке или же было впервые зафиксировано в корпусах письменных текстов. И, наконец, приводятся наиболее существенные для данного исследования сведения, отражаемые в таблице слов, – указание на статус слова с точки зрения заимствованности / исконности. Заимствованный / исконный статус лексемы в данном проекте считается не бинарным противопоставлением, а шкалой, в соответствии с которой слово может получить одну из следующих пяти характеристик:

1. нет никаких оснований считать данное слово заимствованным («no evidence for borrowing») – коэффициент «заимствованности» («borrowed score») 1,00;
2. вероятность того, что слово заимствовано, очень мала («very little evidence for borrowing») – 0,75;
3. возможно, слово является заимствованным («perhaps borrowed») – 0,50;
4. вероятно, слово является заимствованным («probably borrowed») – 0,25;
5. слово явно заимствованное («clearly borrowed») – 0,00.

Заметим, что авторы умышленно смягчают свои тезисы, дабы не погрешить против точности и достоверности сведений: ни одно слово не считается бесспорно исконным, так как нельзя быть полностью уверенным, что оно не было заимствовано в более ранние, недоступные нам периоды развития языка или же что нам достоверно известны все возможные источники заимствований для данного языка.

Любопытно, что в рамках концепции Хаспельмата и Тадмора слово не считается заимствованным, если оно содержит исконные словообразовательные элементы, даже при бесспорном наличии заимствованного корня. Это значит, что если бы, например, в рамках этого проекта рассматривался русский язык, то слово *компьютер* считалось бы заимствованием, а *компьютерщик* – уже нет. Сами авторы оправдывают такой подход соображением, что оформление слова с помощью исконных средств говорит о том, что заимствованный корень уже адаптирован в языке и используется как «строительный материал», из которого язык уже самостоятельно, без помощи соседей, создает свои слова по исконным моделям с помощью исконных словообразовательных элементов. Подобная концепция, на наш взгляд, в теоретическом отношении не бесспорна: результатом такого подхода может быть игнорирование существенного числа заимствований. И, что кажется нам еще более важным, такая интерпретация противоречит интуиции

не только лингвиста, но и «наивного» носителя языка. С другой стороны, таким способом можно, наоборот, избежать неоправданного увеличения количества заимствованных слов, которое неизбежно превратилось бы в «зашумляющий» фактор при вычислении общей статистики. И действительно, корень заимствуется лишь однажды, а значит, нет смысла видеть новое заимствование в каждом последующем его употреблении.

Для слов, которые были признаны заимствованными, указывается дополнительная информация: язык-донор и слово-источник, общие сведения о контактной ситуации, обусловившей заимствование, а также сведения о том, какие изменения привнесло заимствованное слово в систему языка (заполнило лауну, вытеснило старое слово или сосуществует со старым словом).

Каждый эксперт имеет право при желании включить в базу и другие заимствованные слова, изначально не представленные в общем списке значений, но эти слова не учитываются при статистических подсчетах.

Третья таблица – таблица отсутствующих слов. В ней указывается, какие значения из общего списка не отражены в таблице слов данного языка, а также и возможные тому причины. Причиной может быть недостаточная информация (например, слишком небольшое количество текстов на исследуемом языке), нерелевантное для носителей языка значение (например, в африканских языках вряд ли найдется отражение понятие ‘метель’) или отсутствие однословного эквивалента.

Помимо трех рассмотренных таблиц, которые считаются основными, в базу данных входит еще некоторое количество небольших вспомогательных таблиц: таблица вошедших в исследование языков-реципиентов, таблица языков-доноров, сводная таблица семантических полей и др.

Формат статей, которые сопровождают базу данных и составляют основное содержание рецензируемой книги, достаточно жестко определен. В первом разделе даются краткие сведения о языке, народах, которые на нем говорят, и странах, в которых он распространен. Второй раздел – об источниках данных; здесь же освещается история изучения языка. Третий раздел описывает историю и современное состояние языковых контактов. Следующие разделы непосредственно касаются заимствований: дается распределение заимствований по семантическим полям и семантическим классам, описывается степень их интегрированности в язык-реципиент; отдельный раздел посвящен грамматическим заимствованиям. В качестве приложения к каждой статье дается

полный перечень заимствований в данном языке (причем основной список здесь часто существенно расширяется экспертами).

Универсальность схемы описания, бесспорно, облегчает чтение такой объемной книги – и это совсем не скучное чтение. К примеру, обратимся к статье о британском английском (Энтони П. Гранта). Обилие заимствований в английском языке хорошо известно, но все же доля их, указанная в статье, для многих читателей будет неожиданной (41 %). В статье последовательно дается интересное, подробное (и одновременно сжатое) изложение истории языка и его контактов в каждом периоде. Больше всего заимствований, конечно, французских – во всех областях жизни, но в особенности в юриспруденции (61,5 %) и политике (56,4 %). На втором месте стоит латынь, в основном благодаря религиозной терминологии (25 %), сельскому хозяйству (11,8 %), науке (15,1 %) и некоторым другим, уже менее значимым зонам. Древнескандинавский удерживает третье место за счет «внедрения» в базовую лексику: термины родства (3,7 %), глаголы движения (3,8 %) и воздействия (7,5 %), речи (6,8 %) и т.п.; ср.: *get*, *give*, которые сохранили старое произношение, а также местоимения *they*, *them*, *their* и даже форма бытийного глагола *are*. Оказывается, характерным фонетическим маркером заимствования является чуждый британскому дифтонг /ɔi/ как в *boy*, *soil* или *coin*. Уже эти сведения показывают масштаб иностранных «вливаний», которые произошли в свое время в английскую лексику. Если судить по этим данным, английский оставляет далеко позади гораздо менее крупные и более зависимые от языковых контактов языки, как например, якутский (29 %) или даже исчезающие, как кетский (9,7 %).

Кетский язык (статья Эдварда Вайды) заимствовал мало, в основном из русского и в основном в советское время, начиная с 1930-х годов, когда кетов заставляли строить деревни и им приходилось тесно общаться с русскими. Практически все заимствования глубоко интегрированы в кетский, так что непрофессионалу трудно угадать в них исходное русское слово, ср. *nela* из *неделя* или *mina* из *свинья*. Показательны грамматические заимствования в кетском – союзы *и* и *а*, а также наречие со значением ‘всегда’, восходящее к русскому существительному *век* (*bék*) или частица *qót* от русского *хоть*, которая в сочетании с собственно кетскими местоимениями и наречиями образвала парадигму неопределенных местоимений со значениями ‘где-нибудь’, ‘кто-нибудь’ и т.п.

Якутские заимствования из русского (статья Бригиты Пакендорф и И.Н. Новгородова), на-

против, в большинстве своем легко узнаваемы, как *britva* или *ključ*. Зато, как это часто бывает, неузнаваемо меняется семантика: например, русское *харчи* приобрело в якутском значение ‘деньги’, слово ‘брат’ (ввиду неразличения в якутском родов) стало в некоторый момент означать и брата и сестру (сейчас значение этой лексемы изменилось: она закрепилась за обозначением младшего брата мальчика, вытеснив исконное слово).

Уже из этих примеров видно, что содержание статей крайне разнообразно, потому что стратегия языков в отношении заимствований – ввиду специфики каждого – очень индивидуальна: в одних случаях акцент делается на истории языка, в других – на социолингвистических факторах, где-то важнее фонетические преобразования, которые претерпевают заимствованные слова, но в других случаях они могут интегрироваться в грамматическую систему или резко менять лексическое значение. Бесспорно, каждый случай интересен. Но для чего может оказаться полезным столь подробное изучение заимствований сразу в четырех десятках языков?

Некоторые **области применения результатов** своего проекта авторы указывают сами.

Во-первых, изучение заимствований может пролить свет на некоторые темные моменты истории: сведения о том, какие именно слова в языке N заимствованы из языка M, помогут определить характер отношений между народами-носителями этих языков в момент заимствования. Сам факт наличия заимствований может стать косвенным подтверждением того, что языки в какой-то период времени контактировали между собой.

Во-вторых, подобное комплексное исследование позволяет более основательно изучать особенности процесса заимствования лексики не только с социальной, но и с чисто лингвистической точки зрения: можно исследовать влияние на «устойчивость» лексемы степени абстрактности ее значения или сравнить частотность заимствований предметных, глагольных и признаковых значений и т.д.

В-третьих, такое исследование ценно с точки зрения компаративистики, так как оно позволяет более строго (а значит, и более точно) определить, какую лексику можно считать ядерной, т.е. какие именно слова следует брать за основу при выявлении родственных связей между языками.

Четкая структуризация собранного материала сделала возможными и статистические обобщения теоретического плана:

- В выборке не оказалось ни одного языка, в котором бы совсем не было заимствованных единиц. На этом основании авторы утвержда-

ют, что в целом склонность к заимствованию у языков-соседей хотя бы небольшого количества слов является универсальной. С другой стороны, доля заимствованных слов в одном языке может очень сильно отличаться от процента заимствованной лексики в другом языке, и зависит этот процент от многих лингвистических и социолингвистических факторов. Например, среди языков, вошедших в проект, самый высокий процент заимствований зафиксирован в языке словацких цыган – 62,7%, а самый низкий – в литературном китайском – 1,2%. Это огромное различие объясняется целым рядом факторов. Язык словацких цыган является ненормированным языком социального меньшинства с относительно короткой историей, не обладающим ни социальным, ни политическим престижем, живущим довольно долгое время в отрыве от других своих диалектов. Его носители в большинстве своем многоязычны и лояльно относятся к проникновению в их язык заимствований. Помимо этого, контактные ситуации, в которых задействован этот язык, довольно хорошо исследованы, хорошо известны его языки-доноры. Китайский же демонстрирует противоположную ситуацию: это хорошо нормированный престижный язык социального большинства с относительно долгой историей. Его носители одноязычны, к проникновению заимствований в их язык относятся отрицательно (придерживаясь пуристической языковой политики). К тому же, на сегодняшний день довольно плохо изучены контактные ситуации с участием этого языка и довольно плохо исследованы некоторые его языки-доноры.

• Соотношение заимствованной и исконной лексики для каждого языка свое, и ни родственность, ни географическая близость языков не может обеспечить им равный процент заимствованной лексики. Так, например, в британском английском, как мы уже говорили, по результатам данного проекта, 41% заимствований, в близкородственном ему нидерландском – всего 19,1%, а в находящемся не так далеко от них нижнелужицком – 22,4%. Именно поэтому целесообразно для каждого языка писать отдельную статью: у каждого языка своя история.

Соотношение заимствований в английском и нидерландском, конечно, наводит на размышления. Современные жители Нидерландов практически все двуязычны, они легко и свободно переходят на английский, «переключая код». Ясно, что сейчас именно английский влияет на нидерландский (как и на большинство языков мира), и об этом глобальном и агрессивном в лингвистическом смысле влия-

нии эксплицитно сказано в статье Николин ван дер Сейс.

Но статистика, которая приводится в ее статье, отражает совсем другую картину: общее число заимствований в нидерландский действительно оценивается как 19,1%, из них 9,5% французские, 8,4% латинские и только 2,2% английские – кажется, что нет никакой агрессии. Такой результат вполне объясним, если вспомнить, что базовый словарь опирается на общеевропейский тезаурус, созданный в 1949 г., и пополнен всего на 15%. Заимствования, проверенные на нем, относятся прежде всего к истории и в принципе не могут отражать сегодняшней социолингвистической ситуации. Этой задачи проект не ставил и не может решить. Но он ставит проблему составления принципиально нового словаря: такого словаря новых слов и реалий, опираясь на который можно такое исследование провести, пользуясь методиками, разработанными М. Хаспельматом и У. Тадмором.

В то же время, своеобразным ключом к современной социолингвистической картине в рамках данного, уже осуществленного проекта может служить распределение заимствований между знаменательными и служебными словами.

• Знаменательные слова (content words) заимствуются в целом в два раза чаще, чем служебные (function words)⁴. Например, ни в одном языке не оказалось заимствованным слово ‘это, этот’ (‘this’), но зато почти всегда оказывалось заимствованным слово ‘мотор, двигатель’ (‘the motor’). Однако данное утверждение нельзя отнести к разряду универсалий: для ряда языков оно оказывается неверным. Так, результаты исследований показывают, что в языках хуп (Амазонка), учичи (Аргентина) и хмонг (в основном Южный Китай) заимствованных служебных слов значительно больше, чем заимствованных знаменательных. Данное наблюдение кажется нам очень любопытным и требующим отдельного обсуждения, ведь обычно факт заимствования служебных слов свидетельствует об умирании языка, что в случае с языками хуп, учичи и хмонг не так очевидно. По свидетельствам авторов соответствующих глав книги, только хуп можно считать действительно угрожаемым: несмотря

⁴ Происходит это не из-за того, что знаменательных слов в целом значительно больше, чем служебных: процент заимствований высчитывался отдельно для знаменательных и служебных слов, т.е. выяснялось, какова доля заимствований в знаменательной лексике и отдельно в служебной, после чего процентные соотношения сравнивались.

на то, что языковая политика в отношении него направлена на сохранение языка, количество его носителей составляет всего около 1 500 человек. Между тем число говорящих на учич оценивается приблизительно в 40 тысяч, а на языке хмонг говорит несколько миллионов человек в разных странах Юго-Восточной Азии. С другой стороны, процесс умирания языка связан не только с количеством носителей и, возможно, именно уровень заимствования служебной лексики является первым «сигналом об опасности». С нашей точки зрения, материал, собранный в рамках данного проекта, может стать отправной точкой для новых типологических исследований в этом направлении.

• Существительные заимствуются чаще, чем прилагательные, а прилагательные, в свою очередь, чаще, чем глаголы. К примеру, значение 'ножницы' ('the scissors or shears') имеет коэффициент заимствованности 0,48, а близкий ему смысл 'резать, стричь' ('to cut') – только 0,08⁵. Причем любопытно, что происходит это не только потому, что глагольная морфология обычно сложнее именной, и глагол обычно требует большей морфологической адаптации. Эта же зависимость (меньшая склонность глаголов к замене на заимствованную единицу) отражается и в языках изолирующего типа (в китайском нет ни одного заимствованного глагола), а значит, не может быть обусловлена только морфологическими причинами⁶.

• Известно, что в зависимости от своего значения одни слова заимствуются чаще других, ср.: «...заимствованию подвергается в первую очередь культурная лексика» [Бурлак, Старостин 2005: 70]. Хаспельмат и Тадмор конкретизируют это утверждение, указывая, из каких именно семантических полей лексика заимствуется чаще всего (религия и верования, одежда, домашняя утварь), а из каких – почти никогда (термины родства, части тела, пространственные отношения, чувственное восприятие).

• Наконец, наиболее значимое, на наш взгляд, достижение данного проекта – создание нового варианта «базового словаря», т.е. словаря ядерной, базовой лексики, который мы упоминали выше. Составлен он был следующим образом: для каждого понятия был определен уровень его «заимствуемости», т.е. подсчитан

процент языков, в которых оно выражается заимствованной единицей. Для устранения шума был введен еще ряд коэффициентов: наличие в языках однословного эквивалента для данного понятия, возраст слова и его членимость. Процент языков, для которых данное понятие в принципе релевантно, т.е. в которых оно выражается отдельным словом, учитывался для того, чтобы избежать проникновения в словарь базовой лексики понятий, отраженных одним словом всего в двух-трех языках, но при этом во всех случаях словом исконным (в таком случае уровень «заимствуемости» понятия по языкам оказался бы нулевым, и оно попало бы в словарь базовой лексики). Возраст слова учитывался из тех соображений, что, по мнению авторов, чем дольше лексема «живет» в языке, тем больше вероятность ее устаревания и замены на заимствованное слово. Тем самым если слово «продержалось» в языке уже очень долго, то этот факт свидетельствует о его устойчивости, слабой подверженности заменам на заимствования. Членимость же учитывалась прежде всего потому, что сложные и многоморфемные слова могут содержать заимствованные элементы. Напомним, что такие слова не включались в число заимствований. Однако же и допускать их попадание в словарь базовой лексики авторам справедливо кажется нецелесообразным. Таким образом, с учетом всех выше перечисленных параметров был определен новый стословный список базовых понятий, т.е. понятий, которые реже всего выражаются в языках мира заимствованными словами. Этот список можно считать альтернативой знаменитому и давно принятому в сравнительно-историческом языкознании списку Сводеша (см. [Сводеш 1960]), с которым он, кстати, на 60 % совпадает. Как указывают сами авторы, Сводеш составил свой список с опорой исключительно на свою интуицию и свой собственный богатый, но все же ограниченный опыт. Впоследствии этот список не раз модифицировался, но все модификации включались, как правило, в его сужение и расширение или приспособлении под конкретные языковые семьи и ареалы (см., например, использование методики Яхонтова в работе [Старостин 1991]). Однако Хаспельмат и Тадмор оказались первыми, кто составил подобный список на основе достаточно строгого анализа обширных типологических данных.

Таким образом, Хаспельмат и Тадмор организовали и реализовали масштабный проект, имеющий, на наш взгляд, большое будущее. Во-первых, уже составленная база (общедоступная и очень удобная в использовании) предоставляет материал для дальнейших исследований заимствованной лексики. Во-вто-

⁵ Общий коэффициент «заимствованности» вычисляется как среднее арифметическое коэффициентов «заимствованности» данного значения во всех рассматриваемых языках.

⁶ Напомним, что в рамках концепции Хаспельмата и Тадмора частеречная принадлежность приписывается значению, а не слову, его выражающему.

рых, база может пополняться данными других языков, благодаря чему будут уточняться полученные результаты. В-третьих, результаты, которых уже удалось добиться, могут быть уже сейчас использованы в различных областях лингвистики.

Нам представляется очень удачной и общая организация работы внутри проекта. С одной стороны, была достигнута необходимая степень единообразия представления материала, что довольно сложно сделать при работе с лексикой и, тем более, в условиях, когда у проекта большое количество участников. С другой стороны, в момент написания текста экспертам по языкам была предоставлена и определенная свобода, так что каждый из них мог дополнительно включить в свою статью всю ту информацию, какую он считал интересной и необходимой.

Изложение обильно иллюстрируется таблицами, схемами и картами. Книга написана простым и доступным языком и хорошо издана – ее просто приятно читать. На наш взгляд, она будет полезна и интересна как компаративисту и типологу, так и специалисту по конкретному (вошедшему или не вошедшему в проект) языку, а также и любому, кто хочет быть в курсе последних достижений современной типологической лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак, Старостин 2005 – С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2005.
- Сводеш 1960 – М. Сводеш. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Старостин 1991 – С.А. Старостин. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- Buck 1949 – C.D. Buck. Dictionary of selected synonyms. Chicago, 1949.
- Wohlgemuth 2009 – J. Wohlgemuth. A typology of verbal borrowings. Berlin; New York, 2009.

Е.В. Рахилина, Д.А. Рыжова

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Рахилина
ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН
rakhilina@gmail.com

Дарья Александровна Рыжова
МГУ им. М.В. Ломоносова
daria.ryzhova@mail.ru

Baltic linguistics. 1. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2010. 324 p.

Круг журналов, посвященных в той или иной степени вопросам балтийской лингвистики, достаточно широк. Среди них есть как сугубо лингвистические журналы (например, «Acta linguistica lituanica» / «Lietuvių kalbotyros klausimai» по литuanистике, издававшийся до недавнего времени в Вильнюсе, и «Linguistica lettica» по лeттонистике, выходящий в Риге), так и периодические издания, публикующие статьи по более широкой общебалтийской тематике, например, журнал Вильнюсского университета «Baltistica» (впрочем, после закрытия в 2005 г. журнала «Kalbotyra» редакция старается публиковать больше языковедческих статей), или журнал «Res Balticae», выходящий в Пизе (Италия). Лингвистические журналы по балтистике также отличаются по тематике публикуемых статей. Так, например, «Archivum lituanicum», журнал, издаваемый основными университетами Литвы совместно с Иллинойским университетом в Чикаго, специализируется на изучении древних текстов и филологических вопросов в рамках традиционных подходов; напротив, уже упо-

мянутый журнал «Acta linguistica lituanica» уделял особое внимание вопросам синхронной и теоретической литuanистики и старался отражать современную ситуацию в балтийском языкознании. Издаваемый в Москве альманах «Балто-славянские исследования» ставит перед собой цель всестороннего изучения связей между балтийскими и славянскими народами в области языка и культуры.

В ряду существующих периодических изданий, освещающих вопросы балтийской лингвистики, новый журнал «Baltic linguistics», первый номер которого вышел в ноябре 2010 г., должен занять, как представляется, особое место. Во многом он продолжает традиции издававшегося в Кракове с 1992 по 2003 г. ежегодника «Linguistica baltica». Прежде всего их объединяет стремление стать платформой для международного исследования балтийских языков. Однако, в отличие от краковского журнала, новое периодическое издание нацелено главным образом на проблематику синхронной лингвистики. Как пишут сами редакторы журнала в предисловии, основная цель издания –